

¹⁸ Цит. по: *Кавтариа М.* Грузинская агиография XVIII в. // Памятники грузинской агиографической литературы. Т. V. Тбилиси, 1989. С. 139 (на груз. яз.).

¹⁹ *Кекелидзе К.С.* История грузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1960. С. 340–341 (на груз. яз.).

²⁰ *Барамидзе Р.* Материалы к биографии Николоза Руствели // Юбилейный сборник, посвященный 70-летию академика А.Г. Барамидзе. Тбилиси, 1974. С. 18–20 (на груз. яз.).

²¹ См.: *Кекелидзе К.С.* Указ. раб. С. 341.

²² См.: *Картлис цховреба (История Грузии)*. Т. II. Тбилиси, 1959 (на древнегруз. яз.).

²³ *С.И. Размадзе* – поэт и переводчик русской литературы. Был одним из активных участников антирусского заговора 1832 г. князей и дворян упраздненного Грузинского царства. Заговор был раскрыт, его участники сосланы в различные города и губернии России. С.И. Размадзе был сослан в Пензу, где проявил себя активным деятелем уже на российском поприще (умер в 1860 г.). Сын С.И. Размадзе А.С. Размадзе (1845–1896) был известным музыкантом, возглавлял отдел музыкальной критики в «Русских ведомостях» и «Русском курьере», редактировал «Музыкальный вестник», издававшийся в Москве.

²⁴ *Алания Н.* Соломон Размадзе. Тбилиси, 1968. С. 8–9 (на груз. яз.). См. также: *Очерки истории Грузии*. Т. IV. Тбилиси, 1973. С. 941, 944 и др. (на груз. яз.).

²⁵ *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 19.

²⁶ *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 11 и др.; *Цулая Г.В.* Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. М., 1995. С. 13 и сл.

²⁷ Еще Н.Я. Марр отмечал, что в абхазской среде наряду с фамилиями этнонимического происхождения в качестве патронимов встречались собственно иноэтнические племенные названия, например *шьануа*, т.е. *сваны* (*Марр Н.Я.* Указ. раб. С. 57).

²⁸ *Еремян С.Т.* Реконструкция первоначального текста «Ашхарацуйц»-а // Историко-филологический журнал № 2. Ереван, 1973. С. 263 (на арм. яз.).

²⁹ *Картлис цховреба (История Грузии)*. Т. I. Тбилиси, 1953. С. 235 (на древнегруз. яз.). *Цхуми* – древнегрузинская основа названия г. Сухуми.

³⁰ *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 37.

³¹ См.: *Джанашиа С.Н.* Труды. Т. IV. Тбилиси, 1968. С. 20 (на груз. яз.).

³² См.: *Джанашиа С.Н.* К генеалогии рода Бараташвили // *Джанашиа С.Н.* Труды. Т. II. Тбилиси, 1952. С. 464–481 (на груз. яз.).

³³ *Тишков В.А.* Приветствие // Ономастика Поволжья (Материалы Седьмой конференции по ономастике Поволжья). С. 5.

G.V. T s y l a y a. From the History of Georgian-Abkhazian Anthroponimy

The article is devoted to the research of Georgian-Abkhazian anthroponimy on ethnographic and source study materials. The author considers historical contacts of Georgian and Abkhazian personal names during the latest one-a-half thousand years. He raise a problem of anomastic source study in Georgian and Abkhazian history.

© 1999 г., ЭО, № 1

С. Н. Дж а н а ш и а

К ГЕНЕАЛОГИИ РОДА БАРАТАШВИЛИ

Симон Николаевич Джанашиа (1900–1947) не только сам являлся выдающимся ученым-историком, но и оказал глубочайшее влияние на развитие исторической науки в Грузии советского периода. Можно с уверенностью сказать, что это влияние чувствуется и в наше время. Его многочисленные труды по истории, археологии, этнографии и культуре Грузии до сих пор не утратили своего значения.

На творчество С.Н. Джанашиа оказала безусловное влияние его родословная. Со стороны отца предки ученого были выходцами из Мегрелии и жили в Абхазии с XIX в. Отец Симона Николаевича – Николай Семенович

Джанашиа (1846–1918) родился и рос в мегрельско-абхазской семье. Его мать была абхазкой, и разговорным языком в семье был абхазский. После окончания русской школы в Сухуме он в 1888 г. поступил в Горийскую учительскую семинарию. Здесь он познакомился с грузинскими писателями Н. Ломоури и Т. Разикашвили, общение с которыми позволило ему овладеть грузинским языком в совершенстве. После окончания семинарии Н.С. Джанашиа возвратился в Сухум, где был назначен преподавателем Сухумской горской школы. Но чиновничество стало обвинять педагога в особом пристрастии к культурным нуждам местного населения, и он был вынужден уехать в Гурию для продолжения своей педагогической деятельности. Здесь в гурийском с. Макванети в 1900 г. и родился будущий академик С.Н. Джанашиа. Детство он провел в г. Сенаки (Мегрелия), где в 1901–1910 гг. учительствовал его отец. В 1910–1918 гг. С.Н. Джанашиа жил в Сухуме и учился в Сухумском реальном училище. В эти годы его отец учительствовал в основанной им местной грузинской школе Общества распространения грамотности среди грузин.

После успешного окончания средней школы в 1918 г. С.Н. Джанашиа поступил в Тбилисский университет. Закончив его в 1922 г., он по рекомендации И.А. Джавахишвили был оставлен для подготовки к профессорскому званию по истории Грузии. В 1923 г. С.Н. Джанашиа опубликовал свой первый научный труд. В 1926 г. ему было поручено чтение лекций по абхазскому языку и одновременно по грузинскому источниковедению.

В конце 1920-х годов ученый организовал этнолингвистическую экспедицию на Северный Кавказ, материалы которой составили IV том шеститомного собрания его трудов (Тбилиси, 1968).

С 1932 г. С.Н. Джанашиа издал серию научных трудов, в которых с новых позиций был решен ряд фундаментальных проблем истории Грузии и соседних народов. Ему принадлежат обстоятельные статьи по абхазо-адыгской тематике – такие, как «Сванско-адыгские (черкесские) языковые встречи», «Черкесские элементы в топонимии Грузии» и др. В них исследователь рассматривал не только лингвистические вопросы, но и проблемы расселения носителей этих языков, их взаимоотношений, сложные вопросы ономастики и т.д.

Практически во всех трудах историка прослеживается постоянный пристальный интерес к этнической и этнокультурной истории региона. В этом можно видеть влияние работ отца. Н.С. Джанашиа – автор целой серии интереснейших статей по этнографии Абхазии. Эти статьи, которые, без сомнения, можно отнести к классическим абхазоведческим работам, впервые публиковались на грузинском языке в журнале «Моамбе», а затем, по инициативе Н.Я. Марра и с его предисловием и комментариями, – на русском языке в журнале «Христианской Восток» в 1915 г. В 1960 г. собрание трудов Н.С. Джанашиа – «Статьи по этнографии Абхазии» – вышло в свет в Сухуми.

Проблемам абхазо-грузинских этнокультурных связей посвящена монографическая статья С.Н. Джанашиа «Георгий Шарвашидзе» (1946). К этому кругу работ относится и публикуемая его статья. В ней исследуются сложные этнические процессы в средневековой Грузии, в которые были исторически вовлечены и негрузинские племена.

Эта статья была написана автором в 1939 г. по поручению юбилейного Комитета Н. Бараташвили и впервые напечатана в академическом издании сочинений поэта (Тбилиси, 1939. С. 131–144).

Л.Т. Соловьева, Г.В. Цулая

Род Бараташвили, по имеющимся данным, формируется в XV в. Для этого периода в целом было характерно появление новых владетельных феодальных домов. Время как раз благоприятствовало этому. Та катастрофа, в которую Ланг-Темур вверг Грузию, особенно земли по эту сторону Лихского хребта, в конце предшествующего столетия создала почву для нового дележа феодальных прав, их перегруппировки, новой расстановки сил. Подобные события неоднократно происходили и прежде, но все же теперь перелом был очень резким.

С замечательной красочностью рисуют источники этот устрашающий ураган, обрушившийся на Грузию: «Когда насильник тот и господин великого улуса, соплеменник агарян», «мерзкий и презренный», «Темур направился с востока, из страны Самаркани, и многие племена и страны передал запустению» и пришел также и в Грузию «со всем воинством Персии и Востока с великим гневом и возмущением... и сокрушил все крепости и разорил все храмы, нивы, горы и леса, скалы и ущелья и, подобно морю, наводнил всю эту страну. И подступило войско их к Кутаиси, Лекети и Дариалу, и сожгли и опустошили всю Грузию, и валились тела мертвых, подобно траве... Полон и добычу всю отпирал он в Самаркан».

Жизнь целой страны была потрясена до основания. Из общественных классов в конечном счете более всех, несомненно, вновь пострадало крестьянство; но и для феодалов наступили не лучшие дни. В частности, не один древнейший феодальный дом, гордившийся своим происхождением и могуществом, был уничтожен и вымер. На разоренные развалины исчезнувших, подобно признакам, дидебулов приходили новые люди и обосновывались во дворцах с разрушенными крепостными оградами, поскольку законных наследников нигде не было видно. Иногда старшая ветвь фамилии уступала свое место младшей, чаще же сеньор — вассалу. Но нередко случалось и так, что совершенно неприметный до того человек завладевал таким покинутым поместьем — «сабатону», т.е. силой захватывал лишившегося хозяина владение, или же покупал его за бесценок, или «жаловал» себя царю как «сакаргмо» («доброегo вассала»). И цари, которые не в меньшей мере были лишены кма и вассалов, «благословляли» «пожалованным» вновь розданные ими вотчины «на прокормление». Правда, эти сеньории нередко состояли только из селищ, городищ, разрушенных крепостей, т.е. из таких вотчин, которые некогда «были почтенными и благоустроенными, и после того, с течением времени, руками племени безбожных агарян» были «разорены и опустошены и совершенно безнадежно истощены». Самая большая беда этих новых вотчин состояла в том, что там не было крестьян: «истреблены были и на арендованных землях никто не радовал» помещика; перевелись даже взимавшие оброк. Одним словом, многие феодалы могли сказать о своих владениях: «Совершенно истреблено и опустошено неверными: не только живого человека, но и никакого строения нельзя найти». Но сознание ценности земли и вкус к приобретению ее не были утеряны: они полагали, что «враги и противники христиан навечно изгнаны и обращены в бегство» и что «если господь пожелает, (и эту вотчину можно) вновь возродить и заселить людьми и землю одушевить», и заботились об утверждении возобновленных или вновь приобретенных прав.

Рельефно изображает этот процесс один эпизод из документа царя Александра (1412–1442). Когда Александр в 1431 г. вернул отнятую врагами Лори, «члены грузинского дарбази, (у которых) остался какой-либо знак, либо... слышали они по преданиям дедов и отцов, что в этом крае они имели вотчины», и, «настаивали», мол, верните нам вотчины, царь им соответственно отвечал: «Как кто перед нами выслужился, так его наделите и пожалуйте». В частности, многое досталось и тем, кто хотя и не являлся местным вотчинником, «не имел» вотчины и «не мог бы» иметь соответствующего для того документа, но «в ходе завоевания сей Лорийской крепости и добывания доступа в нее весьма и безмерно потрудились»¹.

Мы можем указать не один и не два примера, когда именно в этот период на место

ушедших или разорившихся помещиков садился или «сажали» нового, что иногда завершалось присвоением ему старого феодального имени. Например, в конце XV в. Химшиа Амирахори, который был «первым Абазасдзе Марелели», цари «пожаловали богато и почетно» и «поставили (в качестве) Абулетисдзе»², т.е. даровали ему имя и вотчину вымершего древнейшего и богатейшего феодального дома Абулетисдзе. Упомянутый выше царь Александр сначала отцу Сумбата Урдоелашвили пожаловал вотчину Гапирасдзе, а затем и самого Сумбата «поставил как Гапирасдзе», поскольку в роду Гапирасдзе «никого не имелось» и все владения, которые, между прочим, «были дважды куплены» родом Урдоелашвили, «пожаловал как неотъемлемую вотчину». Интересно, что впоследствии всю эту вотчину цари пожаловали уже приемным сыновьям Урдоелашвили³. Царь и католикос сделали большое пожалование и Магалашвили: поскольку «из-за мирских перипетий проповеднический дом и должность почтенного Иванидзе оказались без наследника», «так что ни одного его сородича не осталось», Магалашвили «вновь сделали Иванидзе и определили проповедником» и всю «проповедническую вотчину – доходы и должность» – даровали «новому Иванидзе», т.е. Магалашвили⁴. В начале того же XV в. цари пожаловали роду Зевдгинидзе «в наследственное владение» вотчину Абулахтарисдзе⁵. На протяжении того же столетия Зевдгинидзе приобрели много других вотчин, получили в наследственное пользование также большой чин Амилахвари и, наконец, обратили наименование этой должности в фамилию.

В 1487 г. царь Константин всю вотчину Мирианидзе пожаловал казначею-чиновнику, ведающему винными припасами, Кавтарисдзе Ахалцихскому и его дому, поскольку «Мирианидзе вымерли и остались без наследника»⁶.

В эту эпоху и появились Бараташвили. Вне всякого сомнения, что уже во второй половине XV в. эта фамилия была многочисленна и могущественна. В царствование Давида, царя Картли, в 1523 г. разделились со своими братьями Гугуна и Германоз Бараташвили. Но и этот дом был выделен в особую ветвь, очевидно, ранее второго раздела, от рода Бараташвили: среди лиц, заседавших по случаю «постановления этого дела», упоминаются Иарал и Орбел Баратианни, а на значимость рода указывает то обстоятельство, что разделом руководил сам царь⁷. Документ интересен и тем, что здесь приводятся данные о границах родового владения: эта ветвь Бараташвили имела вассалами несколько десятков азнаурских фамилий, вотчины же их⁸ были разбросаны по территории всего современного Агбулагского района⁹. В последующие царствования происходит новый раздел Бараташвили, документ о котором указывает владения Бараташвили, кроме отмеченных, уже в Люксембургском и Башкичетском¹⁰ районах¹¹.

Для формирования такого владения, несомненно, потребовалось немалое время. Действительно, уже во второй половине XV в. Бараташвили в этом крае не только заметны, но и обрели главенствующее положение. В это время у них появляются и специальные летописцы, которые под прикрытием истории царствования Баграта по существу трудятся над возвеличиванием этого рода. Согласно тенденциозному повествованию указанного источника, когда в 1477 г. Узун-Хасан вторгся в Грузию и вступил в Сомхити, «у подножия Орбети его весьма хорошо встретили Баратианни», т.е. они дали врагу подобающий отпор. Однако после взятия Хасаном Тбилиси взаимоотношения изменились: Баратианни «вошли в доверие» к хану, «он многое даровал им и преисполнил их предельно». Несмотря на это, едва Хасан умер, «напали Баратианни, кочевников разорили». Когда в 1486 г. Якуб-хан напал на этот край, якобы и тогда Баратианни были главной силой, давшей отпор врагу. И в последующих военных событиях наиболее активными представляются Бараташвили¹². Следует полагать, что в это время они добились многих благ, в частности, в силу того что при дворе сначала царя Баграта, а потом царя Константина Бараташвили весьма преуспели. У Константина и невестка, и жена были из числа дочерей Бараташвили¹³.

Откуда же появились эти Бараташвили? Уже Вахушти отмечал, что ответ на этот вопрос дает родовое предание, которое подтверждается и документальным материа-

лом: «Бараташвили, которые владеют эриставствами Гачиани и Гардабани, к югу от Тифлиса до Лори-Панавара, кроме царских владений и пожертвованных церквям. Но говорят, что они происходят от Качибадзе, что подтверждается гуджарами и сигелями их, жалованными им царями. Затем Капланисшвили и Абашисшвили, дети трех братьев, но Капланисшвили говорят об их фамилии или орбелианстве: но Орбелиани была одна фамилия и Качибадзе другая; когда же разделились братья, от Барата пошли Баратовы, отчего и местности их прозывались Сабарагиано, от Абаши же – Абашисшвили и также другие, которые суть Баратовы же; но, думается, и третий брат Каплановых назывался Орбелом, и от него прозвались Орбелианами, иначе вышесказанное не оправдается. В гуджаре же Баратовых, который хранится в Бетании, написано: „Царь Александр, сын царя Георгия, разделил трех братьев – Абаши, Гугуна и Давида; от Абаши суть Абашисшвили, от Гугуна – Баратовы и от Давида – Капланисшвили. Сомхитский же мелик не ест фамилия, но некоего армянина почтил им шах Аббас за (принятие им) магометанства... Зурабисшвили, Иаралисшвили и Солагашвили, говорят, не Баратовы, но их угоды и скелпы обнаруживают, что они те же (Баратовы)“»¹⁴. Далее Вахушти указывает на гуджар Бараташвили, «который есть в Бетании».

Указанную генеалогию, несомненно, подтверждают те документы, которые доказывают права престола Мцхетского католикоса в отношении с. Коранта в Сомхити (в ущелье р. Манавера, поблизости от современного Люксембурга)¹⁵. Это село вначале жертвуют Мцхете хранитель казны Барата Качибасдзе, его жена Тинатин и их дети Давид, Германоз и Лапа, которые называют Коранту своей «вотчиной родовой, неоспоримой и исконной»¹⁶. Затем старший сын этого Барата, унаследовавший должность отца, вновь выдает Мцхете документ. Здесь «Качибасдзе, казначей казны Давида, брат его Германоз и дети их Лапа, Сурамели и Кавтар» заявляют, что они «по юношеской непонятливости и по злобному коварному наущению человеческого и доносу» одно время «взяли обратно», т.е. отняли, Коранту, теперь же вновь возвращают ее католикосу во исполнение воли родителей. Вместе с тем документ содержит некоторые любопытные сведения: очень важно, что эти Качибасдзе сами себя называют «владельцами Самшвилде», интересно также, что, как утверждается в этом документе, Коранта была «заслужена» Баратом и Тинатин, т.е. приобретена; для хронологии интересно и то, что Давид называет документ отца «старым сигели»¹⁷.

Казалось бы, можно считать доказанным, что этот Давид Качибасдзе – последний сын Кавтара, того Кавтара, семья которого, как мы видели выше, разделилась в 1523 г. и который упоминается уже как Бараташвили¹⁸. Но в более общих очертаниях превращение Качибасдзе, пожертвовавших Коранту, в Бараташвили становится уже совершенно несомненным, если мы рассмотрим документ 1529 г., в котором «Бараташвили Абаши и его племянник Давид» заявляют: «Пожалованное нашим родом на поминанье село Коранта было истреблено», и «теперь мы вновь докладываем об этом и подтверждаем»¹⁹. Последним добавлением к этим аргументам представляется постановление царя Луарсаба, в котором Германоз Бараташвили упоминает, что «Коранту пожертвовал человек из нашей фамилии, великий Барата»²⁰.

Действительно, на всем протяжении XVI в. этот край упоминается как Сабараташвило – владение Бараташвили: например, в 1587 г. Эрадж, Гулба и Сачино Бараташвили для возмещения взятых из Мцхеты в долг денег жертвуют престолу католикоса села Коранта, Самшвилде и Сатредо²¹, а затем по той же причине отдают Мцхете граничащую с указанными селами пустошь Велкетили²². Таким образом, слова Вахушти подтверждаются, и происхождение Бараташвили от Качибадзе не должно представлять спорным. Можно сказать даже больше: представленный материал делает достоверным точку зрения Тедо Жордания, что этот род Бараташвили был наречен как раз по имени упомянутого выше хранителя казны Барата Качибадзе, который должен был быть лицом первой половины XV в.²³ В этом отношении следует учесть, что Германоз Бараташвили называет его «Великий Барата». Это «величие» в сознании членов самого рода, следует полагать, должно было быть

связано с теми особыми заслугами, которые Барата обрел в деле создания сеньории Сабаратиано. Лучшее подтверждение того, что эта сеньория по существу сформировалась именно в XV в., – сам факт оформления нового родового имени²⁴. Но если все это так, тогда, видимо, мы будем не далеки от истины, если предположим, что Барата Качибадзе получил выгоды не меньше, если не больше других в среде того придворного люда, который царил в начале XV в. «наделали и жаловали вотчинами», когда здесь слово утвердилось их власть. Если царь Александр действовал так в Лорийском крае (см. выше), следует полагать, что аналогичные же события должны были происходить и в тесно связанной с Лори соседней области Самшвилде и в целом в Квемо Картли, которая особенно пострадала от Тимура.

Откуда взялись Качибадзе? Это гораздо более трудный вопрос, так как здесь мы уже испытываем максимальный недостаток источников. Т. Жордания считает в данном случае Качиба именем человека, а именно отца «Великого» Барата, но он не разъясняет основание своей точки зрения, и нам кажется, что это предположение не подтвердится. Качибадзе должны быть более древней фамилией.

Наше внимание в этом отношении привлекает один факт. В знаменитой надписи из Питаретского храма упоминается некто Кавтари, который был «амиреджибом самодержца могущественного царя царей Георгия». Согласно последнему толкованию надписи, принадлежащему Е. Такайшвили, Кавтари построил Питаретский монастырь и церковь Богоматери и ему же пожертвовал Тандзию и Тевдорцмидани. Питаретский монастырь был главной усыпальницей Бараташвили, в частности ветви Каплианишвили-Орбелишвили, отделившейся от этого рода. Их же «родовым дворцом» было селение Тандзия²⁵, где, между прочим, родился и Сулхан-Саба Орбелиани. И Тевдорцмидани, как выяснил Е. Такайшвили, находилось в том же Болнисском ущелье, т.е. в том же Сабараташвиле. Все это уже обостряет интерес к личности Кавтара. Этот интерес еще более усилится, если мы вспомним, что «Кавтари» вообще было излюбленным именем в фамилии Бараташвили, настолько, что одну из многочисленных ветвей этого рода даже нарекли «Кавтаришвили». Окончательно этот вопрос решило бы имя рода, если бы прочтение последнего не вызывало сомнений: в надписи оно, к сожалению, дано под титлами в виде группы «Кджпйсдзе». Археологи по-разному раскрывают титлы: М. Броссе читает «Куджападзе», Е. Такайшвили – «Куджапайсдзе» или «Куджалайсдзе», Т. Жордания – «Котпасдзе» (дж он понимает как *m*)²⁶. Ясно, что здесь огласовка сделана совершенно произвольно. Если же мы примем во внимание все вышесказанное, у нас будет гораздо больше оснований прочесть интересующее нас слово как «Каджипайсдзе» и полученную форму считать всего лишь вариантной транскрипцией «Качибаисдзе», которая, быть может, базировалась на различии в произношении специфического круга. Представляется весьма вероятным, что амиреджиби (здесь это название должности) Кавтар Каджипайсдзе – один из отдаленнейших предков известных в истории Качибадзе-Бараташвили.

После этого внимание должно остановиться на двух четко выраженных указаниях надписи: 1) «в возведение» Питарети «никем не вложено, кроме обретенного мною в походах и мечом», т.е. что Кавтар выполнил это своими военными походами и своим мечом, или, говоря иными словами, только посредством денег, добытых им самим на войне; 2) что Тандзия и Тевдорцмидани Кавтар купил также на деньги, приобретенные им на войне: «купили Тандзия и Тевдорцмидани ценою приобретений моего же меча». Первое сообщение все толкуют таким образом, что оно повествует нам о возведении церкви. Трудно безоговорочно принять эту точку зрения. В тексте «возведение» может означать и «обновление»²⁷. То обстоятельство, что характер надписи «не напоминает о красоте классического периода» (по авторитетному заявлению Е. Такайшвили), тогда как сам памятник всеми признается лучшим памятником именно классического периода грузинского зодчества, заставляет задуматься. А факт, что надпись выполнена внутри притвора и «буквы надписи вырезаны не глубоко» (Е. Такайшвили), подтверждающий, что надпись сделана на уже возведенной стене,

позволяет считать, что надпись должна быть позднее памятника и в сообщении имеется в виду обновление храма.

Еще более важно второе сообщение: для Каджипасдзе-Качибадзе те пункты, которые в дальнейшем являются одной из наиболее примечательных составных частей владения Баратаани и составляют резиденцию главной ветви Бараташвили, ко времени изготовления Питаретской надписи являются еще вотчиной не наследственной, а новоприобретенной (путем покупки). Каджипасдзе-Качибадзе в Тандзия и в Тевдорацмидани, а возможно, и в Питарети – недавно пришедшие владельцы. В какое время жил амиреджиби Кавтар Каджипасдзе? К сожалению, надпись не датирована, если не учитывать общего и неясного сообщения о царствовании царя Георгия. Вообще-то считается, что это Георгий («Блистательный») первой половины XIV в. М. Броссе, которого поддерживает и Е. Такайшвили, на основании этого сомнительного документа утверждает, в частности, что строительство такого прекрасного памятника не могло быть осуществлено позже указанного периода. Однако этой точке зрения, кроме прочего, противоречит недоказанность одновременности строительства памятника и высечения надписи. Т. Жордания опирается на общее палеографическое суждение, что также совершенно неубедительно. Вопрос остается нерешенным. Здесь невольно вспоминается сказанное знаменитым Мамукой Бараташвили (конец XVII – первая половина XVIII в.) о происхождении фамилии Бараташвили: «Кто по корню Барат, отпрыск Кавтара Качибадзе»²⁸. Здесь как будто должна быть выражена та мысль, что Бараташвили происходят от Барата, сына Кавтара Качибадзе. Может быть, Мамука располагал сведениями о том, что отца «Великого» Барата звали Кавтар? Но тогда ведь нельзя было бы считать, что этот Кавтар – амиреджиби Кавтар и что он жил во времена правления царей Баграта и Георгия, т.е. в конце XIV в.? Или, возможно, более верным будет другое толкование этого сообщения: Бараташвили происходят от Барата, который является дальним потомком («модзе» – «отпрыск», здесь редкое слово – указывает не истинный оттенок смысла) Кавтара Качибадзе, который, быть может, действительно жил во времена Георгия Блистательного. Пока что этот вопрос не может считаться решенным.

Сообщение Мамуки Бараташвили видится в новом свете благодаря одному обстоятельству. Происхождением Бараташвили уже с древности интересовались члены самой этой фамилии, и кто-то из них сочинил соответствующее повествование. Согласно этому генеалогическому повествованию, в котором историческая действительность и легенда искусственно переплетены между собой довольно зримо, предком Бараташвили и отделившихся от них родов был якобы некий Бириан Абаш, который прибыл в Грузию в 768 г. (по христианскому летоисчислению). Он был «эмир эмиров», «с большим скопищем улуса». Царь Баграт, сын Давида, выделил для Абаши большое имение – реки Веру, Бедну, Арджени, Параванис-Борцви и Лелву «со своими хевистави – начальниками ущелий» – и даже породнился с ним. Сам Абаш будто бы поселился в Орбети и Гмирт-кветили. После его кончины сыновья, которым остались вотчина и имение отца, будто бы стали зваться по фамилии Абашисшвили. Но «прошли времена, и мы получили название грузинских Качибадзе. Несколько лет мы были грузинскими Качибадзе». Затем вновь «прошли годы, и мы получили название Баратиани. В то время когда мы назывались Бараташвили (сыновья Барата), мы жили в Энагети». Здесь произошел раздел во времена царя Александра, сына Георгия, за 317 лет до составления этого документа. Разделившиеся дети Иоанна Бараташвили, которым досталось от отца 9000 дворов крестьян и азнауров, обосновались в различных местах: старший, Абаш – в Самшвилде, Гугуна – в Алгети, младший, Давид – в Гаресджа. Наконец, «летописец» доводит до читателя одно сообщение: «Старые бумаги и гуджары времен Бириан-Абаша и Качибадзе хранились в манглиском тайнике и были сожжены Ланг-Темуром (Тамерланом). Документы времен грузинских Качибадзе имел при себе Саба Манглели (манглиский епископ), который находился в Квата-хеви. Названного Саба Манглели Ланг-Темур сжег в кватахевской церкви; старые бумаги и гуджары там и пропали. Бумаги же и акты разделов времен

Бараташвили, как разделились и кому что досталось из ущелий или земель, — имеются»²⁹.

При толковании данных этого повествования следует обратить внимание на библиографические сведения о документе: представленная копия в 1754–1755 гг. была списана Иесеем Молартухуцеси (главным казначеем) с той «копии гуджара», которая была сделана по бетанийскому экземпляру памятника неким деканозом Иесеем «в 1704 г., 7 марта, в царствование Георгия, в наместничество царевича Вахтаंगा». Эта копия с копии принадлежала Фоме Канчашвили, который и есть тот Фома Бараташвили, известный и из других источников, что явствует из указаний, сохранившихся в приписках. Указанный же Фома был братом того Мамуки, генеалогическое упоминание которого было приведено выше³⁰. Теперь ясно, что генеалогия Мамуки основана на источниках иного характера, нежели представленное повествование (интересен хотя бы тот факт, что личность Барата осталась совершенно неизвестной для «Бетанийского гуджара»). Первая почти полностью согласуется с документальными свидетельствами, второе же как бы стремится дополнить последнюю. Отличные друг от друга данные о родословной своего рода, исходящие от членов одной семьи, подтверждают, что эти генеалогии вообще были недавнего происхождения и еще не имели устоявшегося и всеми признанного вида. Можно было бы, конечно, поставить вопрос: не тождественно ли «картвели» («грузинские») «бетанийского гуджара» указанию Мамуки о «Кавтаре», т.е. не имеем ли мы здесь трансформацию одного и того же сообщения, возникшую тем или иным путем? Но в этом отношении препятствием являются различные функции данных терминов: «картвели» — определение и разъяснение, «Кавтар» же — личное имя. Конечно, в «бетанийском гуджаре» многое присочинено. Таковым представляется, например, сообщение о Бириан Абаши. Но два свидетельства повествования кажутся нам интересными. Первое сообщение — о том, что Ланг-Темур обратил в пепел древние документы Качибадзе-Бараташвили, доказывает только то, что уже в начале XVIII в. в самой фамилии не имелось никаких документальных материалов, относящихся ко времени ранее Темура. Начало семейного архива не могло достигать XIV в. Второе свидетельство, еще более возбуждающее наше любопытство, — то, которое утверждает, что одно время род именовался «грузинские (*картвел*) Качибадзе» и только впоследствии его нарекли Бараташвили. Это утверждение трижды повторено в повествовании, и к нему приложено одно конкретное сообщение, а именно, что «Книга рода грузинских Качибадзе» погибла вместе с Саба Манглиским в Кватахеви, когда Темур сжег этот монастырь.

Что означает в этом случае «картвели» — «грузинские»? Как мы уже говорили, указанный термин здесь выступает в роли определителя. Он указывает на то, что эти Качибадзе были ветвью более обширного рода, другие ответвления или основные стволы которого остались в иных местах. «Грузинские Качибадзе» предполагают существование и «негрузинских» Качибадзе. Вместе с тем нам кажется маловероятным, чтобы данное сообщение было выдуманно, поскольку оно весьма точно и конкретно. Будь это сообщение придумано и сочинено, тогда было бы более естественно, если бы автор связал его с Бириан Абаши: ведь, согласно его рассказу, пришел именно Бириан Абаши, а «грузинские Качибадзе» — имя местных и позднейших потомков Абаши. Поэтому мы считаем, что здесь имеем дело с каким-то преданием или иным путем сохранившимся воспоминанием. Сама структура этого родового имени представляет своего рода средство для осуществления попытки приоткрыть тайну.

Тот основной элемент, который в оформленном по-грузински облике представлен в этом родовом имени, — «Качиба», на первый же взгляд оставляет впечатление негрузинского происхождения. Если верно соображение, высказанное выше относительно личности амирджиджи Кавтара, то мы имеем и отличную (как можно предполагать, более древнюю) форму этого происхождения — «Каджиба». Исследование специфики этих фактов делает для нас весьма вероятным их происхождение из Западной Грузии.

Во-первых, напомним, что та же фамилия, только оформленная по-мегрельски,

жива и поныне: «Качибаиа». Родство «Качибаиа»-«Качибадзе» – вне всякого сомнения. Мегрельский факт интересен также потому, что он как бы указывает направление эволюции фамилии. Вместе со многими другими мегрельскими фамилиями со сходной структурой (Чачибаиа, Алшибаиа, Какубаиа-Какубава, Эзугбаиа, Кецабаиа и др.) эта, несомненно, абхазского происхождения: их характеризует специфическое окончание одной группы абхазских родовых имен *ба* (ср.: Чачба, Кукба и др.), к которой в дальнейшем добавилось мегрельское окончание с аналогичной функцией *-иа* (в мегрельском простонародном произношении и сейчас живые абхазские фамилии обычно произносятся в этой форме). Окончание *-ба*, следует полагать, – это развитие *-иа* (груз. «дзе» – «дита») в условиях определенного звучания, когда это слово после удаления частицы принадлежности и непосредственно связывалось со стоящей впереди основой. В противном случае слово сохраняет свою форму (ср. абхазские фамилии Инал-ипа, Дзяпш-ипа, Пате-ипа и др.). Сами носители фамилий переселялись в различное время и в различных социально-политических условиях.

Переселение Качибадзе в Восточную Грузию, очевидно, очень древнее событие. Оно связывалось с одним чрезвычайно интересным историческим явлением в истории Грузии, которое пока еще не только не исследовано, но и сам вопрос о котором еще не был поставлен. В рамках этой статьи мы не имеем возможности подробно рассмотреть указанную проблему. Мы вынуждены лишь в нескольких словах обрисовать это явление³¹.

Мы имеем в виду ту феодальную «колонизацию», «иммиграцию», которая в определенную эпоху происходила в Лихтамерети из Лихтамерети. Если в какой-то степени аналогичный процесс для более раннего периода можно предполагать в противоположном направлении, возникновение Абхазского царства (рубеж VIII–IX вв.) дало на это своеобразный ответ. Пришедшая с запада феодальная экспансия покрыла Восточную Грузию волнами, возникшими в разное время, большей или меньшей мощи и различного характера. Этот процесс был связан с различными этапами развития самих общественных и политических отношений.

Пионером в этом отношении был некто Липарит, который ко второй половине IX в. «овладел странами Триалетскими, построил крепость Клде-карскую» и заложил фундамент дома Клде-карских эриставт-эриставов, ставший могущественнейшим феодальным гнездом, и позднейшего представителя которого, также Липарита, возвели на престол Восточной Грузии в XI в. Этот род совершенно ошибочно называют Орбелианами, тогда как его истинное родовое имя было «Багуаши», в форме, характерной для мегрело-чанских фамилий (окончание *-ши*). По происхождению эта фамилия пришла из Аргвети, т.е. из современной Земо Имерети, и резиденцией ее предков был Кацхи. Карталинские Багваши постепенно распространили свои права на Триалети, Алгетское ущелье и вообще на ту часть Квемо Картли, которая впоследствии получила название Сабаратиано.

Если взаимоотношения карталинских Багваши с абхазскими царями имели своеобразный характер и их переход в Лихтамерети, возможно, был не результатом зависимости от этих царей, а итогом совсем других отношений, во всяком случае оседание других феодальных домов в Восточной Грузии, несомненно, связывалось с отмеченной экспансией. Таково, например, обоснование Сазверельских азнауров Чиджавадзе в верхней части современной Картли, на самом южном пути из Имерети в Амерети. Эти великие азнауры появляются здесь уже в первой половине X в. Во второй половине того же века в Картли первенство принадлежит эристам Марушидзе, которые, судя по фамилии (*-ши + дзе*), также, несомненно, происходят из Лихтимерети. Следует полагать, что в этот же период (хотя с уверенностью говорить об этом трудно из-за отсутствия источников) на самом северном пути из Имерети в Амерети обосновались Анчабадзе, родовое имя которых по своему происхождению и дальнейшей истории (*-ба + дзе*) представляет полную аналогию «Качибадзе»³². От

фамилии «Анчабадзе» образуется название феодальной резиденции «Ачабети»³³, а от этой последней – новое владетельское имя – «Мачабели». Можно указать и на другие факты, но мы вынуждены довольствоваться отмеченным из-за сложности вопроса и по соображениям экономии.

Несомненно, этот процесс не завершился в X в., а продолжался также и в последующий период, хотя и в более ослабленном виде. Факты, подтверждающие это, у нас имеются...

Мы полагаем, что и Качибадзе были принесены в Картли этим же потоком. Когда именно произошло это событие, пока что сказать так же трудно, как и определить их первоначальное социальное место и значение. Может быть, Качибадзе первоначально были вассалами рода Багваши или одной из ветвей этих последних?³⁴

В одном известном документе, который выдан царицей Тамарой в 1202 г., сохранились интересные факты, более или менее связанные с нашей темой. Тамара жалует Шио-Мгвиме два дыма царских крестьян по фамилии Кососдзе или Косаидзе. Этих крестьян обязывают «снаряжать» водопровод из Схалтба в Мгвиме (ухаживать и надзирать за ним). В одной из приписок к документу, которая принадлежит инициатору и исполнителю этого дела Антону Мцигнобартухуцеси, появляется очень интересное сообщение о названных крестьянах: Кососдзе – «апхазетни», т.е. пришли или были приведены из Абхазии или Лихтимерети (в общем их значении; в узком смысле – собственно из Абхазии). Кроме того, сигели содержит одно любопытное, для нас в особенности интересное сообщение. В отдельной приписке «Мгвимского сборника» заявляется, что поскольку двух пожертвованных царицей дымов «недостаточно было для снаряжения воды», собрание уже из числа своих крестьян приставляет к этому делу два новых дыма. Из них «вторым крестьянином был извне пришедший Качабураидзе»³⁵. «Извне пришедший» означает пришедшего из другого района, другой общины. Поскольку этот крестьянин упоминается рядом с Кососдзе, невольно возникает мысль, что и они – «апхазетни», или пришли из Абхазии³⁶. В этом еще более убеждает нас и сама форма фамилии – здесь то же абхазское окончание, уже представленное двойной грузинской суффиксацией: *-ба + ур + дзе*³⁷.

Можно пойти в предположениях и дальше, а именно допустить, что Качабураидзе находятся в какой-то связи с Качибадзе.

В период начальной дифференциации первобытной общины, пока власть недавно выделившегося наследственного предводителя развита слабо, этот предводитель и сама община носят одно и то же имя. Последующий рост противоречий вызывает частичную дифференциацию имен. Полный разрыв в этом плане происходит уже в условиях полной феодализации. Кавказская действительность щедро предоставляет нам соответствующий материал. Качибадзе и Качабуридзе в этом значении могли быть одного и того же происхождения. Не исключено и то, что *-ури* в крестьянской фамилии было создано именно как знак феодальной зависимости.

После сказанного вспомним, что среди абхазского населения на той территории, которая была известна под общим названием «Джикети», существовала одна независимая, в феодальном значении, община этого абхазского племени джиков (или, по-абхазски, садзов), которая своим названием связана с интересующей нас фамилией. Сообщение об этой общине имеется уже у известного турецкого путешественника Эвлия Челеби, который сам видел в 1641 г. земли абхазского побережья и указанной общины. К северо-западу от Гагры, в ущелье р. Псоу он помещает племя, которое именуется «к'ечилар» или «кечилар» (к сожалению, мы не имеем под рукой турецкого текста и вынуждены по европейской транскрипции предполагать правописание Эвлия). По свидетельству Эвлия, в этой общине 75 селений, население богато и может выставить от двух до десяти тыс. искусных воинов, по большей части конницу. Название племени представлено турецкой формой множественного числа (так же называет Эвлия в соответствии с общим турецким обыкновением общины ближайших соседей кечилар – «чандлар» (*-цанд*) и «артлар» (*-аред*, отсюда современное название приморского города Адлер). Следовательно, собственное название общины, по

сообщению Эвлия, было к'ечл'кеч или кечл'кач (вокализация условна из-за обозначения гласных в арабской письменности)³⁸.

В виде «независимого» феодального владения эта община дожила до 60-х годов XIX в., когда вследствие введения непосредственного русского управления она целиком переселилась в Турцию. Русские источники называют ее *Гечь* или *Геча*. Так же называют они и фамилию владетельных князей общины. В середине прошлого века здесь активную роль играет Гечь Рашид.

По собственно абхазским данным (память об этой общине жива и сейчас), название племени и в русской транскрипции передано неточно. В действительности же первая согласная г – палатализованная (смягченная), гласная – а. Грузинскими буквами название приблизительно следовало бы писать «гач» (с большой натяжкой – «гйач»). В живых языковых взаимоотношениях же вполне возможно, что термин выступал в форме «кач». Помимо прибрежных «гач» это имя носит, согласно некоторым источникам, и одна из шести общин пирикитских абхазов, абазин или тапанта, что указывает на особое значение самого этого имени среди абхазского населения.

Термином «Кач» могли называть как всю общину, так и отдельные семьи. В последнем случае, т.е. если это была фамилия, оставалась представленная форма, если фамилия предшествовала личному имени (ср.: Гечь Рашид). Если же, напротив, имя предшествовало фамилии, последняя уже требовала нового оформления – к ней добавлялось слово *-на* (сын), в форме *-ипа* (его сын), или его видоизменение *-ба*. Подобный порядок и сейчас обязателен в абхазском (Чач Мурзакан, но: Мурзакан Чачба и др.). Владетели соседней с Кач другой абхазской общины именно так и именовались: Сид или Сид-ипа, Инал или Инал-ипа и др. Так же называлась владетельская фамилия упоминавшейся выше общины Аред, непосредственно граничащей с Кач: Аред или Аредба (Аред-ипа). Постольку же и наш Качиба или Качаба – вполне закономерная форма в этом ряду. Что более ранний облик окончания также был известен на месте, подтверждает нам факт Питаретской надписи – Каджица (Кадж-ипа)³⁹.

Подведем итоги. В соответствии с представленными соображениями можно полагать, что в период существования Грузинской феодальной монархии или в период, непосредственно предшествующий этому (X–XIII вв.), вместе с другими «колонизаторами» или «колонистами» из Лихтимерети в Картли приходят Каджицаисдзе-Качибадзе. На путь их движения частично должны указывать факты существования «Качибаи»-«Качабурасдзе». Вполне естественно включение в это движение единиц различного социального значения: приходили не только сеньоры, их сопровождали и вассалы, ариер-вассалы, крестьяне и прислуга. На какой ступени стояли сами Качибадзе в момент переселения, неясно; но мы полагаем, что не на очень высокой. Их возвышение – дело последующего времени, когда они на развалинах рода Багваши-Орбели постепенно возводят свое могущество, становятся владетелями Орбети-Самшвилде и превращают «Саорбелиано» в «Сабартиано».

Перевод Л.Т. Соловьевой

Примечания¹

¹ Жордания Т. Хроники. Тбилиси, 1897. Т. II. С. 242 (на груз. яз.).

² Там же. С. 213–214; Какабадзе С. Исторические документы. Кн. III. Тбилиси, 1913. С. 3–5 (на груз. яз.).

³ Жордания Т. Указ. раб. С. 223–224, 235, 244–277; Какабадзе С. Указ. раб. С. 14, 34.

⁴ Жордания Т. Указ. раб. С. 192, 290; ср.: там же. С. 318; Какабадзе С. Указ. раб. С. 42.

⁵ Какабадзе С. Указ. раб. С. 4.

⁶ Жордания Т. Указ. раб. С. 305.

⁷ Конечно, внимание царя отчасти объясняется тем, что его жена была из фамилии Бараташвили.

⁸ Жордания Т. Указ. раб. С. 349.

⁹ В настоящее время – Тетрицкаройский р-он.

* Часть примечаний дается в авторском варианте (Ред.).

- ¹⁰ В настоящее время – Болнисский и Дманисский районы.
- ¹¹ Исторический вестник. Кн. I. Тбилиси, 1924. С. 173 и след. (Книга раздела Баратиани, изданная С. Какабадзе) (на груз. яз.).
- ¹² Продолжение «Картлис Цховреба»: *Джанашивили М.* Труды. С. 1–37 и след. (на груз. яз.). Сейчас трудно сказать, не подтверждает ли фраза летописца «постоянно побеждали Баратиани и жители подножья Орбети» (там же. С. 40), что подножья Орбети в это время пока еще не подчинялись целиком Бараташвили.
- ¹³ *Жордания Т.* Указ. раб. С. 306. То, что эта женщина признана «незаконной» для своего мужа, – отголосок древнегрузинского государственного права, которое запрещало царскому дому заключать браки со своими подданными.
- ¹⁴ *Вахушти Багратиони.* География. Издание М. Броссе. С. 40–42.
- ¹⁵ В настоящее время – Болнисский р-он.
- ¹⁶ *Жордания Т.* Указ. раб. С. 232; *Какабадзе С.* Указ. раб. С. 36–37. Очень интересен один документ, который приписывают Барату периода царя Александра (1412–1442) (Сигели дан Баратом, его женой Тинатин и сыновьями Давидом и Германозом, которые, несомненно, из фамилии Качибадзе), но сомнение вызывает дата сигели. См.: Древности Грузии. Тбилиси, 1899. Т. I. С. 66–67 (на груз. яз.).
- ¹⁷ *Жордания Т.* Указ. раб. С. 271; *Какабадзе С.* Указ. раб. С. 38–39.
- ¹⁸ См. также: *Жордания Т.* Указ. раб. С. 352.
- ¹⁹ Там же. С. 373; *Какабадзе С.* Указ. раб. С. 55–56.
- ²⁰ *Жордания Т.* Указ. раб. С. 373.
- ²¹ Там же. С. 425.
- ²² Там же. С. 426; *Какабадзе С.* Указ. раб. С. 55–56.
- ²³ *Жордания Т.* Указ. раб. С. 353, 373; Древности Грузии. Т. I. С. 66.
- ²⁴ Этот общий вопрос автор рассматривает в специальной монографии. Один документ (*Жордания Т.* Указ. раб. С. 188) упоминает Сабаратиано уже в 1362 г., но это во многих отношениях сомнительный документ и, должно быть, подделка. Ср. его отличающийся вариант: Древности Грузии. Т. I. С. 244.
- ²⁵ *Жордания Т.* Указ. раб. С. 497.
- ²⁶ *Mélanges asiatiques.* Т. II. I livre. St.-P., 1852. P. 112 и след. См. там же, таблицу III, палеографический список надписи; *Такайшвили Е.* Надписи памятников Сомхити-Саорбелиано; *Жордания Т.* Указ. раб. С. 177.
- ²⁷ См.: *Бердзенишвили Н.* Мцхетский документ XI в. // Вестн. Музея Грузии. Т. VI.
- ²⁸ Восхваление царя Бакара, сочиненное Бараташвили в 1734 году // Отдел рукописей Музея Грузии. № 303 S. Л. 22. Здесь Мамука обращается к Бакару: «Ты – (из рода) Давида, ты подобен ему...» (на груз. яз.).
- ²⁹ *Такайшвили Е.* Еще один из источников истории Грузии царевича Вахушти // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1893.
- ³⁰ То, что Фома и Мамука – братья, установлено П. Ингороква на основе новых архивных данных.
- ³¹ Этот вопрос автор рассмотрел в специальной монографии.
- ³² Подобные факты обнаружены и другими. Ср., например, фамилию Бедийского архиепископа, некоего Микели – Гонглибаисдзе (*Март Н.Я.* Синодик. С. 3).
- ³³ В Алгетском ущелье есть село *Чачубети* название которого, возможно, имело аналогичное происхождение; во всяком случае, это наводит на размышления.
- ³⁴ Мы совершенно пренебрегаем мнением о происхождении Качибадзе от Орбелиани, поскольку оно, высказанное мимоходом некоторыми исследователями, кажется нам совершенно безосновательным.
- ³⁵ Мгвимские документы. С. 25–28 (на груз. яз.).
- ³⁶ Там же. С. 61. (Вновь упоминается некий абхаз *Микели*.)
- ³⁷ Не думаем, чтобы эта фамилия была связана с термином *качабури*, который, по толкованию Сулхан-Сабда, означает «пастуший посох»; ведь само происхождение слова *качабури* неизвестно.
- ³⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IX.
- ³⁹ Возможно, дж также показывает нам более ранний облик последних согласных основы. Интересно для сравнения указать, что у *Вахушти* наряду с *Анчабидзе* известна и форма *Анчашидзе*.

S.N. D j a n a s h i a. Towards Baratashvili Genealogy

There is considered the history of surname Baratashvili forming of distinguished Georgian scientist in the article. The genealogy research gives to the author the material for analysis of Abkhazian-Georgian ethnocultural relations.